Е. С. КУЛЯБКО

НЕИЗВЕСТНОЕ ПИСЬМО И. И. ШУВАЛОВА К М. В. ЛОМОНОСОВУ

В коллекции автографов Ломоносова, переданной Академии наук историком П. А. Мухановым в 1871 г.,[1] находится письмо, не привлекавшее до сих пор должного внимания исследователей. Оно написано четким почерком Ломоносова на отдельном листе без обращения, подписи и даты.[2] В научном описании рукописей Ломоносова в Академии наук СССР, составленном в 1937 г. Л. Б. Модзалевским, это письмо значится под № 241 и озаглавлено: «Неизвестному (NN) о каком-то совместном литературном труде».[3] При подготовке к печати переписки Ломоносова за 1735—1765 гг., завершавшей академическое издание «Сочинений М. В. Ломоносова» (т. VIII, 1948), Л. Б. Модзалевский не включил указанное письмо в публикацию, считая более целесообразным поместить его в издании деловых бумаг Ломоносова.

Мухановская коллекция автографов Ломоносова была хорошо известна лицам, занимавшимся изучением жизни и деятельности великого ученого. Находившееся в ней письмо к NN было опубликовано еще в 1865 г. академиком П. С. Билярским, считавшим, однако, что напечатанный текст является не письмом Ломоносова, а письмом к Ломоносову, адресованным ему «неизвестным почитателем и усерднейшим читателем».[4] Неизвестный корреспондент писал: «Удивлясь[5] в разных сочинениях и переводах ваших NN богатству и красоте российского языка, простирающегося от часу лучшими успехами еще без предписанных правил и утвержденных общим согласием, давно желал я видеть, чтоб

---

[1] Протоколы общего собрания Академии наук, 1871, № VI, § 59.

[2] ААН, ф. 20, оп. 3, № 55, л. 27.

[3] Рукописи Ломоносова в Академии наук СССР. — Труды Архива, вып. 3, Л., 1937, стр. 100.

[4] П. С. Билярский. Материалы для биографии Ломоносова. СПб., 1865, стр. 355.

[5] В публикации Билярского допущена ошибка: «удивляясь» вместо «удивлясь» (разрядка моя, — *Е. К.*).

оные согласным рачением искусных людей ускорены и утверждены были. Наконец, усердие больше мне молчать не позволило и принудило Вас просить, дабы для пользы и славы отечества в сем похвальном деле обще потрудиться соизволили и чтобы по сердечной моей любви и охоте к российскому слову был рассуждением Вашим сопричастен, не столько вспоможением в труде Вашем, сколько прилежным вниманием и искренним доброжелательством. Благодарствуя за Вашу ко мне склонность, что не отреклись для произведения сего дела ко мне собраться, я уповаю, что Вы сами почитаете всегда лучше в приватном дружеском разговоре рассуждать и соглашаться в том, чего ни краткость времени, ниже строгость законов требует, но что только служит к украшению человеческого разума и к приятной удобности слова. Ваше известное искусство и согласное радение, так же и мое доброжелательное усердие принесет довольную пользу, ежели в сем нашем предприятии удовольствие любителей российского языка всегда пред очами иметь будем».[6]

Из содержания письма можно сделать следующие выводы: 1) письмо обращено к мастеру высокого словесного искусства и написано несомненным почитателем его таланта; 2) адресат и корреспондент доброжелательно относились друг к другу и встречались; 3) на данном этапе их сближало общее дело, предпринимаемое «для удовольствия любителей российского языка и для пользы и славы отечества».

На основании привлеченных нами документов Архива Академии наук СССР и материалов по истории Московского университета второй половины XVIII в. мы имеем возможность в настоящее время с полным основанием сказать, что имеем дело с дошедшей до нас копией письма И. И. Шувалова к Ломоносову, который имел обыкновение выписывать из адресованных ему писем отзывы с оценкой его трудов и заслуг перед наукой.[7]

Письмо видного государственного деятеля того времени, содержащее восторженную похвалу достижениям Ломоносова в области русского литературного языка, может быть отнесено к таким же «свидетельствам» об успехах великого ученого, который собственноручно скопировал текст, как чрезвычайно ценный для него документ.

Скудость биографических сведений лишает нас возможности установить, с каких пор началось сближение И. И. Шувалова с Ломоносовым. Известно, что Шувалов не чуждался литературных занятий и писал стихи. В словаре русских светских писателей митрополита Евгения сообщается, что «из сочинений его некоторые только мелкие стихотворения, писанные в молодости, были издаваемы в разных периодических журналах безымянно,

---

[6] ААН, ф. 20, оп. 3, № 55, л. 27.
[7] ААН, ф. 20, оп. 3, № 134, лл. 49—52 об.

а иногда под чужими именами».[8] О приписываемых Шувалову произведениях говорит и П. Н. Берков.[9] Имеются сведения, что молодой Шувалов учился стихосложению и риторике у Ломоносова.[10]

Ломоносов бывал по разным случаям в доме Шувалова. В 1753 г. он собирался оборудовать для него небольшую домашнюю обсерваторию и для этого осматривал помещение в его доме, строившемся на углу Невского и Малой Садовой.[11]

Как подтверждают современники, Ломоносов не раз беседовал с Шуваловым по поводу основания Московского университета.[12] Поправки, внесенные в 1754 г. частично рукою Ломоносова, частично же рукою Шувалова в текст письма Ломоносова, в котором определялось разделение университета на факультеты, указывалось число кафедр и намечались предметы университетского преподавания, говорят о том, что это письмо по получении его Шуваловым обсуждалось им у него совместно с Ломоносовым.[13]

В доме же Шувалова Ломоносову был представлен в 1758 г. директор Московского университета И. И. Мелиссино и приехавшие с ним в Петербург его воспитанники, среди которых был малолетний Фонвизин. В письме к М. И. Веревкину от 12 октября 1783 г. Мелиссино так упоминает об этой встрече с Ломоносовым: «Да помнится, что он и сам мне говорил, что он из Колмогор».[14] Фонвизин в своих воспоминаниях рассказывает о встрече с Ломоносовым следующее: Шувалов, «взяв меня за руку, подвел к человеку, которого вид обратил на себя почтительное мое внимание. То был бессмертный Ломоносов! Он спросил меня: чему я учился? „По-латыни“, — отвечал я. Тут начал он говорить о пользе латинского языка с великим, правда сказать, красноречием».[15]

Дошедшие до нас письма Ломоносова к Шувалову свидетельствуют о том, что Ломоносов поверял ему свои планы и желания и обращался к нему со своими нуждами и затруднениями. В свою

---

[8] Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России, т. II. М., 1845, стр. 274.

[9] См.: П. Н. Берков. Ломоносов и литературная полемика его времени. Изд. АН СССР, М.—Л., 1936, стр. 303.

[10] См.: Я. К. Грот. Очерк академической деятельности Ломоносова, читанный в торжественном собрании имп. Академии наук 6 сентября 1865 г., 1965, стр. 29—30; А. Морозов. Михаил Васильевич Ломоносов. Л., 1952, стр. 392.

[11] См.: Письмо Ломоносова к Шувалову от 31 мая 1753 г. — М. В. Ломоносов, Полн. собр. соч., т. 10, М.—Л., 1957, стр. 483. (Далее: ПСС); П. Н. Петров. История Санкт-Петербурга. СПб., 1885, стр. 548.

[12] «Москвитянин», 1852, № 10, отд. IV, стр. 60.

[13] Эти поправки указаны в подстрочных сносках к публикации указанного письма Ломоносова. ПСС, т. 10, стр. 514.

[14] Ломоносов. Сборник статей и материалов, т. II, М.—Л., 1946, стр. 26.

[15] Сочинения, письма и избранные переводы Д. И. Фонвизина, под ред. П. А. Ефремова, СПб., 1866, стр. 534.

очередь Шувалов часто требовал его мнений и советов в важных вопросах. Шувалову приходилось не раз являться защитником Ломоносова в период его напряженной борьбы в Академии наук, быть докладчиком его заслуг перед императрицей и даже вдохновителем его трудов.[16]

В феврале 1757 г. Московский университет принял решение издать собрание сочинений Ломоносова. Это издание печаталось в Москве в университетской типографии. 10 марта 1757 г. М. М. Херасков, в ведении которого находилась типография, сообщал Шувалову, что «печатание сочинений г. Ломоносова с надлежащей прилежностью происходит».[17] Отпечатанные листы посылались в Петербург «на апробацию» Шувалова и просматривались Ломоносовым, на что указывают замечания по поводу корректурных листов в ордерах Шувалова, которому они вряд ли могли принадлежать.[18]

Шувалов торопил И. И. Мелиссино с печатанием первого тома, что видно из ордеров Канцелярии Московского университета о быстрейшем издании тиража «по приказам его высокопревосходительства куратора Ивана Ивановича Шувалова».[19] 3 ноября 1757 г. Шувалов весьма определенно писал Мелессино: «Я нетерпеливо ожидаю конца первого тома сочинений г. Ломоносова».[20] Тем не менее, как известно, первый том университетского издания сочинений Ломоносова с титульным листом 1757 г. вышел только в 1758 г.[21]

Переписка Шувалова с Мелиссино об издании первого тома сочинений Ломоносова продолжалась до конца 1757 г. В результате вместо первоначального предположения включить в издаваемый том только художественные произведения Ломоносова и образцы его ораторской прозы — панегирики Елизавете Петровне и Петру Великому, а также «Слово о пользе химии», «ежели мал том покажется»,[22] в него были включены и научные работы Ломоносова: «Слово о явлениях воздушных», «Слово о происхождении света», «Слово о рождении металлов», а также «Письмо о пользе стекла», посвященное И. И. Шувалову. Заинтересованный в процветании мероприятий Московского университета и в благоприятном приеме у читателей сочинений Ломоносова, Шувалов уделял большое внимание не только содержанию, но и внешнему оформлению книги, начиная от выбора шрифтов и кончая заказом гравюр

---

[16] ПСС, т. 10, письма к И. И. Шувалову.

[17] Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века, т. I. М., 1960, стр. 39.

[18] Там же, стр. 46, 51, 68 и др.

[19] Там же, стр. 79.

[20] Там же, стр. 98.

[21] См.: Собрание разных сочинений в стихах и в прозе г. коллежского советника и профессора Михайла Ломоносова, книга первая. Второе издание с прибавлениями, М., 1757.

[22] Документы и материалы по истории Московского университета, стр. 106.

и виньет. По его распоряжениям заново гравировались недостаточно хорошо выполненные работы. Переделывался, как мы знаем, и портрет Ломоносова, исполненный по заказу Шувалова французским художником Этьеном Фессаром, не понравившийся Ломоносову.[23] Все это несомненно задерживало издание книги.

Когда первый том «Сочинений» Ломоносова был напечатан в университетской типографии и мог уже поступить в продажу, Канцелярия Академии наук постановила на заседании, состоявшемся 17 августа 1758 г., срочно перепечатать «пять четверок», т. е. двадцать страниц готовой книги, и включить в нее вводную статью «О пользе книг церковных в российском языке», в которой излагалось знаменитое учение Ломоносова о «трех штилях». Это срочное мероприятие потребовало вызова Ломоносова из отпуска. 22 июля 1758 г. Ломоносов был по его просьбе уволен в 29-дневный отпуск для поездки в Усть-Рудицкую фабрику по очень важным для него делам, однако вернулся на неделю раньше срока, 13 августа, т. е. за четыре дня до заседания Канцелярии Академии наук, на котором в его присутствии было вынесено постановление о необходимости снабдить университетское издание «Предисловием о пользе книг церковных в российском языке», написанным с непредвиденной поспешностью в течение упомянутых четырех дней: 13—16 августа 1758 г.[24]

Обстоятельства, вызвавшие со стороны Шувалова и Ломоносова принятие таких срочных и далеко не обычных в тогдашней академической практике литературных и издательских мер, не были объяснены до настоящего времени.

В комментариях к «Предисловию» Ломоносова, напечатанному по тексту первой публикации в академическом полном собрании сочинений М. В. Ломоносова, Г. П. Блок высказал соображение, что решение о необходимости снабдить университетское издание «Предисловием» явилось результатом опасений Шувалова, что издание сочинений Ломоносова не могло рассчитывать на благосклонный прием духовной цензуры в связи с недавним конфликтом с Синодом из-за «Гимна бороде» и что он предложил Ломоносову обезопасить себя, а заодно и Московский университет вводной статьей на угодную Синоду тему. Вместе с тем Г. П. Блок отметил, что «появление Предисловия в печати отнюдь не знаменовало, однако, сдачи Ломоносовым своих антиклерикальных позиций. Синоду могло понравиться только заглавие статьи, а никак не ее текст, так как, говоря „о пользе книг церковных“, Ломоносов имел в виду только их лексикологическую „пользу“ и ни словом не обмолвился об их содержании».[25]

---

[23] См.: Д. С. Бабкин. Образ Ломоносова в портретах XVIII в. — Ломоносов. Сборник статей и материалов, М.—Л., 1940, стр. 306—307.
[24] ААН, ф. 3, оп. 1, № 528, лл. 196, 216, 218.
[25] ПСС, т. 7, М.—Л., 1952, стр. 894.

Приведенное нами письмо И. И. Шувалова имеет непосредственную связь с изложенными обстоятельствами. Оно было написано до 13 августа 1758 г. и адресовано в Усть-Рудицу, где находился в это время уехавший в отпуск Ломоносов. До этого письма Шувалов несомненно приглашал Ломоносова срочно приехать к нему для совместного обсуждения в дружеском разговоре чрезвычайно важного общего предприятия и теперь благодарит его за то, что он «не отрекся к нему собраться» для «произведения сего дела, предпринимаемого для удовольствия любителей российского языка и для пользы и славы отечества».

Следует вспомнить, что 1 ноября 1757 г., в день рождения И. И. Шувалова, на обеде у директора И. И. Мелиссино было открыто первое заседание Московского литературного общества при Университете, организованного по мысли Мелиссино. В составе этого общества были ученики Ломоносова — Н. Н. Поповский, А. А. Барсов и др.[26] Надпись, сделанная под портретом Ломоносова, предназначенном для издания «Собрания сочинений», подготовлявшегося Московским университетом, исходит от литературной группы, о которой говорится в начале надписи: «Московский здесь Парнасс изобразил витию». В этой надписи, получившей широкую известность, была дана весьма положительная оценка литературной и научной деятельности Ломоносова.

Сформирование литературного общества Московского университета, по своему направлению примыкавшего к Ломоносовской школе, было учтено Шуваловым, заинтересованным в защите поэтических позиций Ломоносова, сочинения которого, как писал он в письме к Ломоносову, удивляли его «богатством и красотою российского языка, простирающегося от часу лучшими успехами еще без предписанных правил», но вызвали нападки со стороны литературных противников. В этом же письме Шувалов говорит, что желал бы, чтобы были определены надежные теоретические основы русского поэтического языка и языка науки, «утвержденные согласным рачением искусных людей», и призывает Ломоносова потрудиться в этом похвальном деле для пользы и славы отечества, обещая способствовать его труду своим прилежным вниманием и искренним доброжелательством.

Таковы были обстоятельства, заставившие Ломоносова после беседы с Шуваловым срочно написать замечательную вводную статью к университетскому изданию своих сочинений, которая была напечатана в Типографии Академии наук за счет Шувалова.[27] Изложенное в ней Ломоносовым учение «о трех штилях» подвело теоретическую основу под его поэтический стиль и ука-

---

[26] См.: Л. Б. Модзалевский. Ломоносов и его ученик Н. Н. Поповский. — «XVIII век», сб. 3, М.—Л., 1958, стр. 166.

[27] ААН, ф. 3, оп. 1, № 232, лл. 195—196.

зало вместе с тем и место его литературных противников «в новосозданной иерархии стилей и жанров».[28]

Приведенная нами копия письма Шувалова является пока единственно дошедшим до нас письмом Шувалова к Ломоносову. Судя по сохранившимся письмам Ломоносова, Л. Б. Модзалевский считает, что их должно было быть не менее 30—35.[29]

Из писем Шувалова мы могли бы многое узнать и осветить ряд малоизвестных или совсем неизвестных сторон биографии великого ученого. Возможно, что письма Шувалова были взяты Г. Г. Орловым из архива Ломоносова сразу же после его смерти в связи с интересом, проявленным к ним Екатериной II, при которой, как известно, И. И. Шувалов находился в опале.[30]

---

[28] ПСС, т. 7, стр. 896.

[29] См.: Сочинения М. В. Ломоносова, т. 8, М.—Л., 1948, стр. 32.

[30] Весной 1763 г. Шувалову было предложено «отъехать в чужие края». Ссылка затянулась на много лет. Он вернулся в Петербург только в 1773 г. Основанием ссылки послужил дошедший до Екатерины II слух, что в одном из своих писем к Вольтеру Шувалов в недостаточно лестных для нее выражениях отозвался о дворцовом перевороте 28 июня 1762 г.